

Пролог

– Ну, вот и всё, конец!.. Свобода! – схватив на ходу ножницы, то ли про себя, то ли вслух, она несколько раз повторила уже сказанные ею слова; от волнения её сердце учащённо билось. – Сейчас я сделаю это!

Она стремительно выбежала за дом в беседку. Солнечные лучи пробивались сквозь листья винограда; своим теплом они нежно прикоснулись к её лицу, рукам. Но она не ощущала этой нежности, её мысли отбивали в такт лишь одно слово: «Свобода! Свобода! Свобода!..»

Держа в правой руке ножницы, а в левой – скомканное школьное платье, она бросила его на лавку. Оглядываясь по сторонам, не видит ли кто, она склонилась над ним и попыталась раскромсать, как будто именно оно было виновником всех её бед.

Плотная ткань тёмно-коричневого цвета упорно сопротивлялась, а ведь ещё сегодня она сдавала в этом платье последний выпускной экзамен.

– Вот так тебе... Вот так... Всё, конец... Свобода!..

Её сердце забилося ещё сильнее, а на глазах выступили слёзы...

Свобода... От кого? От чего?.. Что для этой семнадцатилетней девчонки означало это слово? И лишь только прожив долгую и нелёгкую жизнь, пройдя через бури и ураганы, почти на склоне своих лет, она смогла понять, что есть на самом деле истинная свобода...

ЧАСТЬ 1.

Глава 1.

– Какая же я смешная, – стоя в своей комнате у зеркала, встроенного снаружи в дверцу небольшого шифоньера, она досадливо корчила рожицы, продолжая говорить самой себе: – Мне совсем не идёт эта стрижка, и эта чёлка короткая... И глаза некрасивые. А имя? Люб-ба.

Уж очень ей не нравилось её имя. Эта грубая буква «б», как ей казалось, и всё её имя делала грубым.

– Вот Света, например, или Таня, или Оля... Ну почему Олей назвали не меня, а мою сестру? – говорила она, снова и снова вглядывалась в своё отражение. – Да, я, действительно, копия своей бабушки, правду говорят... И губы такие же некрасивые, и нос круглый, как у бабы Нюры. Вот сестре моей повезло, она на папу похожа. Она хотя и маленькая ещё, но видно, что красавицей будет.

Вдруг в сердце появилась обида, а имя у этой обиды – зависть! Однако неприятное чувство покинуло её достаточно быстро, хотя такой цели перед собой она и не ставила.

Люба отошла от зеркала, чтобы взять из своего тайничка «Ленинградскую» тушь для ресниц и огрызок чёрного косметического карандаша, спрятанных внутри раскладного кресла, стоявшего рядом у шифоньера. И как только она прикоснулась к ним, сердцем мгновенно овладел страх, потому что в памяти ожила сцена из прошлого лета...

...Этот день, 22-го июля, она ожидала с тайной радостью и волнением, ведь сегодня у неё был осо-

бый день – день её шестнадцатилетия. Ещё с вечера отец предупредил, что утром они поедут в город, чтобы выбрать подарок. Каким именно будет этот подарок, Люба не знала, предполагая, что скорее всего родителями будет куплено что-то из одежды или обуви, предназначенное для школы, как это делалось во все прошедшие годы.

Её лицо светилось от счастья, в надежде получить от родителей разрешение самой сделать свой выбор при покупке вещей, ведь теперь, как ей думалось, она стала уже взрослой.

Подойдя к зеркалу, Люба взглянула на своё отражение и улыбнулась. Вдруг ей в голову пришла заманчивая мысль, и она поспешила достать спрятанную тушь, чтобы еле заметно подкрасить ресницы, – ну совсем чуть-чуть.

– Ты готова? Нам пора выходить, – громко, и в то же время строго, сказал отец, стоя в коридоре у приоткрытой двери и глядя в сторону спальни, в которой находилась дочь.

– Да, я готова, – выглянув из-за шторы, ответила Люба и, улыбнувшись в ответ, приблизилась к отцу. Он пристально взглянул ей в глаза и вдруг...

От неожиданного удара у неё потемнело в глазах, дыхание перехватило, но она всё же удержалась на ногах и не упала. Слезы мгновенно хлынули из её глаз.

– Намазюкалась!.. Я тебе намазюкаюсь сейчас!.. Быстро умываться! – заорал отец угрожающим голосом.

Забежав на кухню, вся дрожа от страха и боли, Люба прижалась к белой эмалированной раковине, смывая растёкшуюся тушь от потока слёз. Она подняла голову и, как-то осторожно, заглянула в зеркало, висевшее над раковиной в деревянной рамке.

От увиденного ужаса её сердце сжалось, словно пружина, и она почувствовала, как теряет силы. Упершись рукой в стену, чтобы не упасть, она снова взглянула на своё отражение.

Отец был левша, и рука у него была тяжелая. От такого удара на правом глазном яблоке лопнули сосуды, и оно из белого превратилось в красное...

Отогнав от себя воспоминания, Люба решила, спустя год, не только накрасить ресницы, но и впервые навести на веках стрелки, как это делали знаменитые актрисы, ведь в глубине своего сердца она тайно мечтала о том, чтобы однажды стать артисткой и сниматься в кино.

От такой мысли вдруг возник страх, он с каждой минутой нарастал, но желание было настолько сильным, что Люба решила на любую жертву, успокаивая себя:

– Школу я уже окончила, теперь готовлюсь ехать в Херсон, в институт поступать. Могу же я, в конце концов, сделать то, что я хочу?.. Ну, когда же я получу эту свободу?

Так размышляя, она старательно рисовала на веках стрелки, используя карандаш и обычную спичку с заострённым концом. Затратив достаточно времени и усилий, она, наконец, нанесла на ресницы тушь и, сделав последний штрих, оценивающе взглянула на себя в зеркало.

– Как красиво! Неужели это я? Какие огромные глаза получились, и красивые какие! Прямо, как у настоящей артистки!

Сделав небольшой начёс, она встряхнула и приподняла свои остриженные тёмно-русые волосы, руками придавая им округлую форму. После всех проделанных усилий она ещё раз оценивающе взглянула на своё отражение.

«Надо же, гадкий утёнок превратился в белого лебедя», – с удивлением подумала она и довольно улыбнулась.

Любуясь собой, Люба ещё долго стояла перед зеркалом, продолжая вспоминать тот злополучный день годичной давности...

... В город за подарком они так и не поехали.

Просить прощения отец не стал, но почему-то стал избегать столкновений со своею дочерью. Видно, ему было больно смотреть на конечный результат своей несдержанности. Наверное, он и сам не ожидал от себя такой реакции. Просто воспитание бывает разное, его же было очень строгим. А дочь всем говорила: «Это я полы мыла, неудачно нагнулась и ударилась об угол стола. Заживёт!» ...

Разве могла эта девчонка поступит иначе? Несмотря ни на что, её израненное сердце излучало большую любовь! И чем больше наносилось ранений, тем крепче становилось её сердце, и тем сильнее пылала её любовь!

Она мечтала о свободе, какой-то своей, непонятной для неё. Но свобода уже жила в её сердце, – свобода от зависти, зла и ненависти.

Эта строгость в воспитании принесёт плоды в своё время. Пройдут годы, и она будет боготворить своего отца. Даже тогда, когда он уйдёт из жизни, он навсегда останется в её сердце самым лучшим, самым красивым, самым добрым. И любовь её к нему поднимется высоко-высоко, туда, где его душа обретет вечный покой...

А пока она стояла у зеркала и любовалась собой, уже не похожую на прежнюю школьницу; совсем скоро её ожидала новая жизнь и её долгожданная свобода...